

Я выдумал всех персонажей этой истории. Но выдумывая, я имел в виду и, прямо перед собою, великих людей великого времени: Актрису, Лётчика, Писателя, Генерала, и многих других известных и не оставшихся в памяти народной создателей, свидетелей, жертв и героев времени, создавшего нас, меня, страну. Потому прошу расценивать этот текст как акт художественной, кинематографической благодарности нашим предшественникам.

А ещё хочу сказать, что величие времени определяется женщинами. Каковы женщины, таково и время. Наши были прекрасны, таинственны, вожделенны и непознаваемы. И их было великое множество. Именно они не только породили, но и дали возможность героям, полководцам, поэтам и просто благородным людям стать таковыми. Часто жертвуя собою, как та, кем я вдохновлялся, и сходство с которой, может быть, угадывается в героине нашего повествования.

Ваш Сергей Снежкин

СЕРГЕЙ СНЕЖКИН

АНДИБОВЬ
СОВЕТСКОГО
СОЮЗА

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С53

Литературная редакция *Александры Дудниковой*

Художественное оформление *Анастасии Зининой*

В оформлении использованы фотографии со съемок фильма «Любовь Советского Союза» (2024, производство киностудии «Дирекция кино»).

Все события и персонажи вымышлены.
Любое сходство с реальными событиями случайно.

Снежкин, Сергей Олегович.

С53   **Любовь Советского Союза / Сергей Снежкин.** — Москва : Эксмо, 2025. — 544 с. + фото. — (Кинообложка).

ISBN 978-5-04-206419-7

«Любовь Советского Союза» — история ярких и сложных взаимоотношений звезды театра Галины Лактионовой с летчиком Анатолием Ковровым и драматургом Кириллом Тумановым на фоне молодого бурлящего СССР 1930-х годов.

История о поколении смелых и красивых, не заставших разрушений революции и хаоса Гражданской войны, мечтавших построить новую жизнь, в которой не будет места смерти, а только невероятной любви, открывающей им путь к великим достижениям и открытиям. О подвигах и славе, предательстве и верности тех, кто был героями в небе и на земле, о времени безмерных испытаний, которые выпали на их недолгие, но яркие жизни. О женщине, которая была мечтой и настоящей любовью Советского Союза.

Сергей Снежкин — советский и российский кинорежиссер, сценарист и продюсер, народный артист Российской Федерации, сценарист и режиссер фильмов «Похороните меня за плинтусом», «Белая гвардия», «Брежнев» и др.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

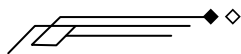
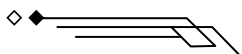
© АО «Дирекция кино», текст, иллюстрации, 2025

© Стихотворение «Жди меня». Симонов К.М., наследники, 2025

© Дудникова А.А., перевод, 2025

ISBN 978-5-04-206419-7

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ИСПОЛНЕНИЯ ГЛАВНОЙ РОЛИ НА СЦЕНЕ И В ЖИЗНИ

Городишко был маленький, но разбросанный по холмам, и потому казался значительным и большим. Дома были двухэтажными – первый, как правило, каменный, беленый известью, а второй – из почерневших от времени бревен. Все это было украшено резными наличниками, откосами и обязательными ставнями.

Каждый дом был окружен садом из фруктовых деревьев и ягодных кустарников, потому каждую осень отсюда подводами вывозили яблоки, груши, огурцы и редьку в ближайшие крупные города.

Река была узкая, но глубокая и судоходная.

Гражданская всеразрушающая война обошла городишко стороной, и потому в нем сохранились все церкви и железнодорожный вокзал.

А более в городке ничего не было, да он ни в чем и не нуждался.

Детская рука поставила на диск граммофона толстую пластинку – с собакой, слушающей граммофон, на этикетке; с трудом провернула несколько раз ручку завода граммофонной пружины, отогнула предохранитель. Де-

формированная, «лысая» от частого употребления пластинка, не торопясь, начала кружение.

Та же детская ручка поставила изогнутый хобот звукоснимателя с огромной иглой на край пластинки, и через хрипы и шипение из граммофонной граненой трубы прорвались первые звуки арии Лючии из оперы Доницетти «Лючия ди Ламмермур».

Вместе с пластинкой пискляво, но громко запела девочка лет шести. Распевая, она сдернула с полукресла старушечью вязаную шаль, завернулась в нее и вышла из комнаты; через веранду вышла в небольшой запущенный сад.

За плетеным круглым столом две румяные дебелие девахи потчевали обедом мастера лесопильной фабрики Кузьму Обрядкова. У Кузьмы были редкие выющиеся черные цыганские волосы, расплзающаяся лысина и так сильно перебитый нос, что любой желающий мог свободно наблюдать, что происходило в его ноздрях.

Девочка запела громче, наблюдая, как Кузьма Обрядков, издавая чудовищные звуки, высасывал мозг из сахарной косточки, выуженной из тарелки с борщом. Он приложил кость к глазу, пытаясь рассмотреть содержимое, после чего сообщил соседкам по столу:

— Не вылезит!

Девахи засуетились, ища на столе среди приборов — а семья была непростая, обедали с вилками, ножами и салфетками — нечто, что помогло бы Кузьме достать внутренность кости.

— Галька! — крикнула одна из девах. — Кончай голосить! Поди сорви веточку для Кузьмы Петровича!

Галя — так звали поющую девочку — петь не перестала, подошла к старой корявой яблоне и отломала от нее

веточку. Тетя Наташа, пославшая Галю за веточкой, обтерла ее полотенцем и подала Кузьме Петровичу.

Любитель костного мозга выковырял вожделенное содержимое кости, проглотил его и, утерев жирные губы салфеткой, спросил, кивая в сторону Галины:

– Это по-каковски она поет?

– Бог его знает! – в сердцах откликнулась тетя Наталья. – Не по-русски! Галька, перестань ты голосить! Голова болит от твоего пения!

– Ты по-каковски поешь? – решил добиться правды у девочки напрямую Кузьма Петрович.

– Как мама, – ответила девочка. – Это мамина песня. Она ее пела.

– А где мамка твоя? – равнодушно спросил Кузьма Петрович, вожделенно глядя на тарелку жареных грибов с картошкой, принесенную из летней кухни второй тетей – Надеждой.

– В Москве, в актрисах, – ответила за Галю тетя Надежда. Кузьма Петрович сочувственно зацокал языком.

– Стыд-то какой! Давно? – беря вилку в здоровенный кулак, спросил он.

– Почитай, с рождения ее, – с готовностью ответила тетя Наташа.

– Брошенка? – изумился Кузьма Петрович, пережевывая грибы.

– Что вы такое говорите? – возмутилась бабушка, ставя на стол горшочек с необходимой для грибов сметаной. – Какая же она брошенка, если мать ее в позапрошлом году навестить приезжала!

– А папка? – продолжал неспешные вопросы мастер лесопилки.

– Безотцовщина, – коротко ответила тетя Наташа.

– Дядя Кузьма, а кто вам нос сломал? – задала давно интересующий ее вопрос Галина.

Не обращая внимания на возмущенное шипение тетушек, дядя Кузьма снисходительно ответил:

– Это в малолетстве... кобыла лягнула.

– Вы ее обидели? – удивилась Галина.

– Кого? – перестал жевать Кузьма Петрович.

– Кобылу! – пояснила Галина.

– Не-е-е! – поморщился Кузьма. – Дурная была!

– Дядя Кузьма, – не отставала Галя, – вы на ком хотите жениться, на тете Наташе или на тете Наде?

Тетушки покраснели, тревожно и искательно глядя на жениха.

– Галечка, иди, погуляй... – Бабушка подтолкнула Галю к калитке.

– Я не хочу! – сопротивлялась Галина, – пускай он скажет, а то тети из-за него каждый вечер ссорятся и даже дерутся! Чего... Ему жалко разве сказать? А то ходит, обедает каждый день, а тетушки мучаются!

Бабушка схватила Галину за руку и потащила к калитке.

– Чего ты меня тащишь? – кричала обиженная Галя. – Сама говорила, что если они в этом году замуж не выйдут хоть за черта с рогами, то презреют и взбесятся!

– Гуляй! – бабушка вытолкала Галю на улицу и хлопнула калитку.

На заборе соседнего дома сидел большеголовый мальчуган с бесцветными глазами и выгоревшими за лето до хлорной белизны волосами.

– Турнули? – радостно спросил он. – Женишку мешаешь?

– Ничего не турнули! – заносчиво ответила Галя. – Я гулять вышла.

– А-а-а... – равнодушно ответил Ипат.

– Ипат, давай играть, – предложила Галя.

– Во что? – недоверчиво спросил Ипат.

– Давай играть, будто я принцесса, а ты простой деревенский мальчик, – предложила Галина.

– И чего я делать буду? – оттопырил нижнюю губу недоверчивый Ипат.

– Ты будешь мне прислуживать, исполнять все мои желания, даже самые ужасные! – предложила Галя.

– Не-а, – после недолгого раздумья отказался Ипат, – не буду я тебе прислуживать.

– Ну и дурак! – расстроилась Галина. – Вот приедет за мной моя мама, привезет мне конфет, ландринок¹, новые ботиночки, я ничего тебе не дам!

– Не приедет твоя мамка! – злорадно поведал с забора Ипат. – Ты брошенка, тебя мамка бросила!

– Приедет! – закричала Галя.

– Не приедет! Не приедет! Не приедет! – кричал в ответ злой Ипат. – Твоя мамка в Москве за бублики голый скачет! Не приедет! Не приедет!

Галя подняла с земли увесистый камень и бросила его в обидчика, но камень был слишком тяжел для ее слабой ручки и до забора не долетел. Потому Ипат продолжал безнаказанно кричать:

– Не приедет! Не приедет!

Когда Галя, осторожно проскользнув в калитку, вернулась в свой сад, Кузьмы Петровича уже не было.

---

¹ Л а н д р и н к и – мелкие леденцы, монпансье. Название происходит от фамилии производителя-кондитера, Федора Ландрина, поставщика Двора Его Императорского Величества. В XX веке название почти вышло из употребления в русском языке, но сохранилось в польском (landrynki – «леденцы»).

Заплаканная тетя Наташа схватила ее за ухо и потащила к дому мимо полулежащей в гамаке Нади с мокрым полотенцем на лбу.

Бабушка, наливавшая пустырник из пузатого флакона в чайную ложку, побежала вслед за своей дочерью, тащившей плачущую Галю.

– Не трогай дитя! – кричала она. – Дитя не виновато!

– Последний столующийся ушел! – шипела тетя Наташа, отвешивая племяннице подзатыльники. – Все из-за языка твоего поганого! На что жить будем, засранка? На что, я тебя спрашиваю?

Тетя Надя громко застонала, и бабушка была вынуждена вернуться к ней.

– Ухи не крути! – попросила она. – Хрящик повредишь. Лучше за волосы дери!

– Вот сиди здесь теперь! – приказала тетя Наташа, вталкивая Галю в погреб.

Погреб был неглубокий, «летний», в нем хранились банки с вареньем, картошка, лук, яблоки нового урожая и ненужный огородный инвентарь.

– Варенье не трогай! – приказала тетя Наташа и захлопнула кое-как сколоченную из горбыля дверь.

Галя вытерла слезы подолом платица, подтащила к дверям дырявое ведро и, перевернув, села на него. Сквозь дверные щели она смотрела на тетушек и бабушку, обсуждавших ее судьбу.

– Я с ней жить не стану! – убежденно говорила бабушке тетя Наташа. – Последнего жениха отвадила, гадюка!

– А Павел? – робко напомнила бабушка.

– Он к Ляминской дочке ходит, – слабым голосом напомнила тетя Надя.

— Еще бы ему не ходить! — злобно откликнулась тетя Наташа. — Была бы у меня обувная лавка, и ко мне бы отбою не было!

— Лишний рот! — горестно продолжала тетя Надя. — Дармоедка!

— Она дитя! — напомнила бабушка, собирая со стола грязную посуду. — Наташа, — позвала она, разглядывая тарелку.

— Что, мама? — недовольно отозвалась дочь, укладываясь в гамак рядом с сестрой.

— На тарелке суповой щербинка... скол... вчера не было! — расстроилась она.

— Надежда на стол накрывала, — занятая своими мыслями, ответила тетя Наташа.

— Надя? — повернулась к другой дочери бабушка.

— Что вы ко мне пристали? — плачущим голосом спросила тетя Надя. — Не я это... может, Кузьма Петрович?

— Он что же, тарелки грызет, Кузьма ваш? — продолжила сбор посуды бабушка.

— Мама, — решительно вставая из гамака, сказала тетя Наташа. — Отправлять ее надо! Вместе нам не прожить!

— Куда отправлять? Как? — ахнула бабушка.

— В Москву, к Клавдии. Дочь к матери! — так же решительно продолжила тетя Наташа, легко подымая ведерный самовар со стола.

— Она дитя! — напомнила бабушка.

— Дитя, а ест как лошадь, — слабым голосом напомнила тетя Надя.

— Вот пока не выросла, и надо отправить! — рассудительно сказала тетя Наташа и понесла самовар в дом.

– Как же, в Москву? – расстроилась бабушка. – С кем? Три дня пути! Она ведь дитя! И куда? Клавдия ведь там не устроена...

– Вот пускай теперь и устраивается! – мстительно сказала тетя Надя из гамака.

– Так ведь и денег нет... на билет! – напомнила бабушка.

– Ну... на это найдем! – пообещала вернувшаяся по мочь бабушке тетя Наталья.

Потом они еще долго сидели за пустым садовым столом и неспешно говорили, но о чем – Галя не слышала... она уже давно спала, прислонившись головкой к ветхим дверным доскам.

Проснулась Галя в своей кровати поздно вечером. Напротив, на высокой металлической кровати с шарами сидела бабушка и расчесывала деревянным гребнем седую косу – на ночь.

– Бабушка! – позвала Галя.

– Что, моя ягодка? – устало откликнулась бабушка. – Попить хочешь?

– Бабушка, зачем мама в Москву от нас уехала? – серьезно спросила девочка.

– За любовь, – вздохнула бабушка.

– А что ж, у нас любви нет? – удивилась Галя. – Ты ее любишь, я ее люблю... так зачем было уезжать?

– Мамка твоя за другой любовью поехала... – ответила бабушка, крестясь на иконы, висевшие в углу за ее головой, – за настоящей!

– Как это... настоящая любовь? – не поняла Галя.

– Настоящая любовь – это любовь к мужчине, – серьезно пояснила бабушка.

— Разве у нас в городе нет мужчин? — удивилась Галя, — вон, дядя Кузьма...

— Какие это мужчины! — махнула рукой бабушка. — Так... воробы!

— А Ипат будет мужчиной? — спросила Галя, вылезая из-под одеяла.

— Если в соплях не захлебнется, — ответила бабушка, вплетая в конец косы бумажку.

— Значит, все мужчины в Москве? — догадалась Галя.

— Значит, так... — согласилась бабушка. — Как раньше говорили? Москва — любовь, Питер — монета! Вот мамка твоя и поехала принца искать.

— А у меня будет принц? — замирая, спросила Галя.

— Конечно, солнышко мое! — обрадовалась бабушка, сползая с кровати. — Будет у тебя принц, красавица моя! — Она села к Гале, положив ей на голову морщинистую, худую, но очень крепкую руку.

— А какие они — принцы? — прижимаясь щекой к бабушкиной руке, спросила Галя. — Как их узнать? Такие, как из сказок?

— Да очень просто... — охотно объяснила бабушка, укрывая внучку одеялом. — Лик светлый, глаза ясные, волосы русые, рука прямая и твердая, плечи широкие, а чресла узкие... Спи, радость моя.

Бабушка поцеловала Галю, пошла к своей кровати, задула керосиновую лампу, и в наступившей темноте по скрипу пружин Галя поняла, что бабушка легла на кровать.

— Лик светлый, глаза ясные, волосы русые, рука прямая и твердая, — шептала Галя, чтобы запомнить. — Бабушка! — вдруг вспомнила Галя. — Ты меня в Москву отправишь?

– Умру – делайте что хотите! – зевнув, отозвалась бабушка. – Спи!

Галя выбралась из-под одеяла и, шлепая босыми ногами, подбежала к бабушкиной кровати.

– Бабушка, миленькая, отправь меня, Христа ради, к маме! – зашептала она, обнимая бабушку. – А я потом тебя к себе выпишу! Отправь, пожалуйста!

– Вот мамка придет твоя и заберет с собою, – пообещала бабушка.

– Когда же она придет? – плача, шептала Галя. – Ты все обещаешь, а она все не едет!

– Придет, – пообещала бабушка. – Спи!

«Мобилизационный» вагон почти весь был заполнен мешками с яблоками. Хозяин пересчитывал мешки, сбивался, начинал пересчитывать заново, помечая мешки при помощи палки, вымазанной в дегте.

– Дяденька, у вас хлебца нету? – спросила Галя.

– Хлебца? – удивился хозяин яблок. – У тебя же пирог был?

– Я его съела, – призналась Галя.

– Яблочков пожуй, – посоветовал хозяин.

Галя взяла из ближайшего мешка яблоко, надкусила его и тут же выплюнула.

– Дяденька, – взмолилась она, – не могу я больше яблоки есть! Третий день ем и ем! Не лезут они в меня!

– Нету хлебца, – развел руками хозяин. – Нету. Откуда ж ему взяться, хлебцу-то! Теперь до самой Москвы ничего не будет... – и он, досадуя, что его отвлекли, продолжил пересчитывать мешки.

Галя прижалась носом к оконному стеклу, но за окном ничего интересного не было, и она вынула из корзины со

своими вещичками фотографию мамы и стала смотреть на нее.

– Лактионова? – в недоумении рассматривал конверт небритый колченогий дядька.

Он подпрыгнул на протезе, опираясь на косяк двери, взобрался на порог и крикнул в задверную темноту:

– Лактионова живет?

В ответ донеслось что-то визгливое, женское, нечленораздельное, но явно ругательное.

– Вот мама! – Галя протянула колченогому фотографию мамы в рамочке, которую она держала у груди, как икону во время крестного хода. Дядька взял фотографию в руки, посмотрел и вернул обратно:

– Не видел.

Торговец яблоками в недоумении почесал затылок.

– Мил человек, – решительно обратился он к инвалиду, – адрес тот?

– Тот, – ответил дядька. – Счас... – Он опять запрыгнул на порог. – Паспорта посмотрю!

За дверью стоял столик с запачканным чернилами дерматином. Инвалид вынул из ящика стола пачку засаленных паспортов.

Торговец яблоками осторожно вступил вовнутрь. Огромная комната была перегорожена ситцевыми занавесками, фанерными перегородками, просто шкафами... Посередине, на длинном столе, работали бесчисленные керосинки и примусы, от баков и тазов поднимался густой пахучий пар – кипятили белье.

– Артелью живете? – догадался торговец.

– Вроде того... коммуной! – ответил закончивший изучение паспортов инвалид. – Нету Лактионовой.